

ГЕНЕРАЦИЯ И ОТЖИГ ДЕФЕКТОВ ПРИ СОВМЕЩЕННОМ ГЕТТЕРИРОВАНИИ В КРЕМНИИ *n*-ТИПА

II. ТОЧЕЧНЫЕ ДЕФЕКТЫ. ИНДУЦИРОВАННЫЕ ГЕТТЕРИРУЮЩИМИ МИКРОДЕФЕКТАМИ

Баграев Н. Т., Клячкин Л. Е., Маляренко А. М.,
Половцев И. С., Суханов В. Л.

Методом оптической поляризации ядерных моментов (ОПЯ) исследовались процессы генерации и отжига точечных дефектов, индуцированных геттерерирующими микродефектами в кремнии *n*-типа. Были определены концентрации мелких и глубоких точечных дефектов, ответственных за электрофизические характеристики кристалла в зависимости от условий совмещенного геттерирования. Обнаружено, что глубокие точечные дефекты стимулируют резкое снижение времени жизни неравновесных носителей при образовании пар с мелкими донорами ($E_c - 0.08$ эВ), индуцированными потенциалом деформации геттерерирующих микродефектов. Управляя потоками первичных дефектов, генерируемых поверхностью кристалла на различных стадиях совмещенного геттерирования, можно значительно уменьшить концентрации мелких и глубоких точечных дефектов, индуцированных геттерерирующими микродефектами, при сохранении эффективности геттерирования, что позволяет улучшить характеристики полупроводниковых приборов и делает возможным реализацию малошумящих мелких *p-n*-переходов.

Трехступенчатое геттерирование дефектов остаточных примесей эффективно используется при изготовлении полупроводниковых приборов на основе кремния, выращенного как по методу Чохральского [1], так и бестигельной зонной плавкой (БЗП) [2, 3]. В процессе формирования геттерерирующих микродефектов в объеме кристалла участвуют потоки междоузельных атомов кремния, индуцированные окисленной поверхностью. На различных стадиях трехступенчатого цикла геттерирования собственные междоузельные атомы формируют кластеры, трансформирующиеся в дислокационные петли и другие более сложные микродефекты [2, 3], ответственные за преципитацию кислорода и геттерирование остаточных примесей из рабочей области полупроводникового прибора.

Геттерерирующие микродефекты могут, однако, изменять при неоптимальных режимах трехступенчатого цикла геттерирования электрофизические характеристики монокристаллического кремния, в частности время жизни неосновных носителей, что приводит к увеличению токов утечки полупроводниковых приборов. Поэтому разработка методов дезактивации электрических и рекомбинационных свойств мелких и глубоких точечных дефектов, индуцированных геттерерирующими микродефектами, является важной задачей для совершенствования режимов геттерирования.

В настоящей работе данная проблема решалась с помощью метода оптической поляризации ядерных моментов (ОПЯ) [4-8]. Контроль характеристик точечных дефектов, индуцированных геттерерирующими микродефектами, осуществлялся на различных стадиях совмещенного геттерирования [окисление, термообработка и диффузия легирующих примесей (бора)].

В процессе ОПЯ исследований анализировались зависимости степени ОПЯ $P_{\text{оп}}$ (рис. 1, $a - \delta$) и времени ядерной спин-решеточной релаксации (рис. 1, $a' - \delta'$) от величины внешнего магнитного поля, полученные на основании кинетических зависимостей степени ОПЯ $P_n = f(t)$ [9]. Как было показано в [9, 10], макро-

центрами ОПЯ в кремнии *n*-типа при окислении и термообработках являются геттерирующие микродефекты. При чем ОПЯ распространяется в образце путем ядерной спиновой диффузии сначала внутри каждого микродефекта, а далее — между ними.

Знак P_{nm} (рис. 1, *a—в*) показывает, что ОПЯ обусловлена контактным взаимодействием мелких водородоподобных центров, индуцированных геттерирующими микродефектами, с окружающими ядрами ^{29}Si . В этом случае поведение степени ОПЯ описывается следующей зависимостью:

$$P_{nm} = \xi / P_e, \quad (1)$$

где $P_e = \frac{1}{4} \left(\frac{\tau_{se}}{\tau_{se} + \tau} \right)$ — степень поляризации электронов, захваченных на мелкие водородоподобные центры, τ_{se} — время электронной спин-решеточной релаксации

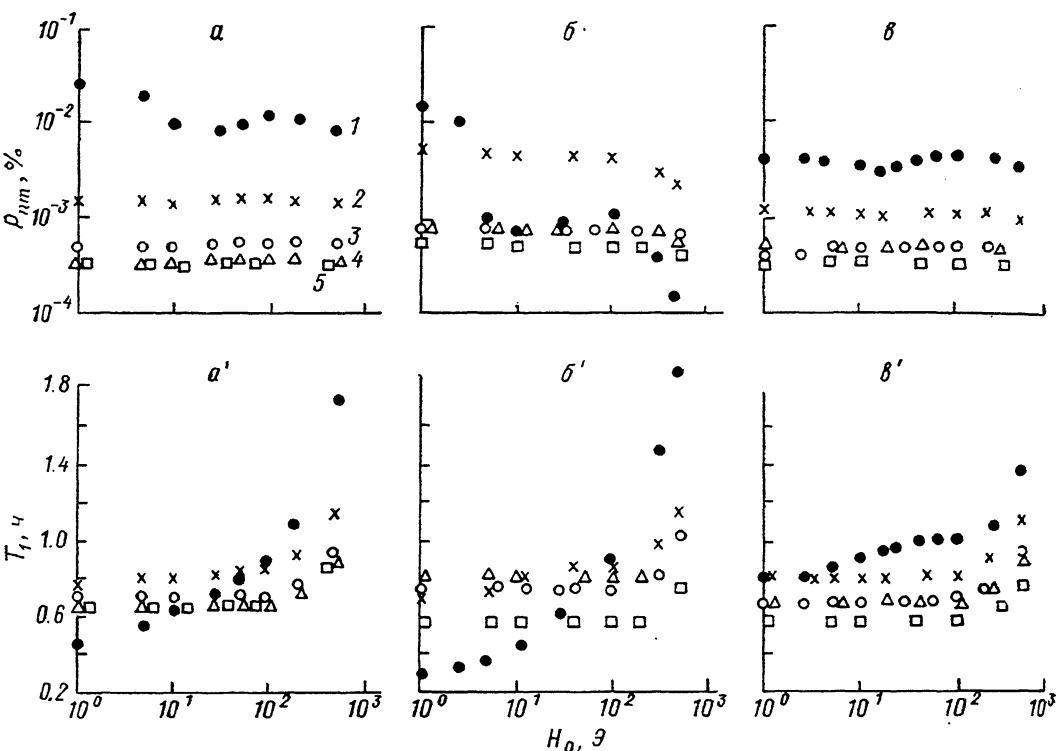

Рис. 1. Зависимость степени ОПЯ (*a—в*) и времени ядерной спин-решеточной релаксации (*a'—в'*) от величины внешнего магнитного поля.

a, a') после окисления и осаждения слоя сильно легированного поликристаллического кремния (СПК) толщиной $d_{\text{ПК}} = 1$ мкм; *б, б'*) после окисления и последовательного отжига при $T = 800$ °С; *в, в'*) после окисления и диффузии бора при $T = 850$ °С; d_{SiO_2}/d_0 : 1 — 0.17, 2 — 0.31, 3 — 0.62, 4 — 1, 5 — 1.23.

ции [11], τ — время жизни неравновесных носителей, $f = T_1/T_{1e}$ представляет собой фактор утечки ядерной поляризации [4, 5], где T_{1e} — время ядерной спин-решеточной релаксации, обусловленное ОПЯ, T_1 — полное время ядерной спин-решеточной релаксации, $\frac{1}{T_1} = \frac{1}{T_{1e}} + \frac{1}{T_1^*}$, T_1^* — время ядерной спин-решеточной релаксации, обусловленное парамагнитными примесями, не участвующими в ОПЯ,

$$\xi = \frac{\frac{5}{20} - \frac{16}{9} \tau^2 \left(\frac{\delta}{b} \right)^6 \exp\left(-\frac{4\delta}{b}\right)}{\frac{7}{20} + \frac{6}{20} (1 + \omega_s^2 \tau_s^2) + \frac{16}{9} \tau^2 \left(\frac{\delta}{b} \right)^6 \exp\left(-\frac{4\delta}{b}\right)}, \quad (2)$$

ξ — коэффициент, который определяет относительный вклад в ОПЯ контактной ($\xi < 0$) и диполь-дипольной ($\xi > 0$) составляющих сверхтонкого взаимо-

действия. Следует отметить, что контактное взаимодействие доминирует в кристаллах, содержащих мелкие водородоподобные донорные центры [4, 6], тогда как диполь-дипольное взаимодействие является определяющим в поляризации ядер решетки за счет глубоких дефектов [5, 6]; $\eta=186$ — плотность волновой функции на электронах проводимости [4], b — борковский радиус мелкого водородоподобного дефекта, $\omega_c = \gamma_e H_0$ — ларморовская частота, γ_e — гиромангнитное отношение электрона, H_0 — величина внешнего магнитного поля, δ_D — радиус ядерной спиновой диффузии [4, 12]:

$$\delta_D = \frac{b}{4} \ln \left[\Omega_0^2 \frac{a^2}{D} \left(\frac{n_d}{N_d} \right) \frac{\tau_c}{1 + \omega_c^2 \tau_c^2} \right], \quad (3)$$

где $D=2.4 \cdot 10^{-14}$ см²/с — коэффициент ядерной спиновой диффузии для ядер ²⁹Si в кремнии, $a=6.5$ Å — среднее расстояние между ядрами ²⁹Si в кремнии, $\Omega_0=4.96 \cdot 10^6$ с⁻¹ [4], n_d/N_d — степень заполнения мелких водородоподобных центров электронами, τ_c — время корреляции электронного спина на ядрах решетки, окружающих мелкий водородоподобный центр. При $T=77$ К τ_c определяется временем термического возбуждения электронов с мелкого донорного уровня в зону проводимости и зависит от энергии мелкого донора (E_d) следующим образом [4, 6]:

$$E_d = kT \ln [2N_c \sigma_0 v \tau_c], \quad (4)$$

где N_c — плотность состояний в зоне проводимости, v — тепловая скорость электронов, σ_0 — сечение захвата электронов на мелкий донорный центр.

Исследование зависимостей P_{sm} и T_1 от величины внешнего магнитного поля (рис. 1) позволяет определить энергию ионизации мелких доноров, ответственных за ОПЯ, а также степень их компенсации глубокими точечными дефектами, индуцированными геттерирующими микродефектами [9]. Из зависимостей, приведенных на рис. 1, принимая во внимание (1)–(4), находим энергии ионизации мелких доноров, дающих вклад в ОПЯ при различных видах обработки кремния: $E_c=0.044$ эВ, что соответствует донорным центрам фосфора в кремнии n -типа, $E_c=0.08$ эВ, что соответствует мелкому донору, возникающему вследствие деформации решетки кремния при введении дислокаций [13, 14], нейтронном облучении [15], формировании микродефектов [10].

На основании данных рис. 1, воспользовавшись соотношениями (1)–(3) и выражениями для ядерной спин-решеточной релаксации (5)–(7) [4–6], находим концентрации мелких и глубоких точечных дефектов, индуцированных в кристалле геттерирующими микродефектами, возникающими на различных стадиях цикла совмещенного геттерирования (примеры концентрационных зависимостей представлены на рис. 2, 3):

$$\frac{1}{T_1} = \pi N_{DT} D b_{DT}^2 \left(1 + \left(1 + \frac{4\delta_{DT}}{b_{DT}^2} \right)^2 \right) + \pi N_p D b_p^2 \left(1 + \left(1 + \frac{4\delta_p}{b_p^2} \right)^2 \right) + \frac{1}{T_1^r}, \quad (5)$$

где первый и второй члены списывают вклад в ядерную релаксацию мелких точечных дефектов ($E_c=0.08$ эВ) и центров фосфора соответственно, δ_{DT} , δ_p , b_{DT} , b_p , N_{DT} , N_p — радиусы ядерной спиновой диффузии, борковские радиусы и концентрации этих водородоподобных дефектов. В уравнении

$$\frac{1}{T_1^r} = 4\pi N_1 \delta D + \frac{4\pi N_2 \delta D}{1 + (\delta/2\rho_2)} + \dots + \frac{4\pi N_z \delta D}{1 + (z-1)(\delta/2\rho_z)} \quad (6)$$

учитывается вклад в ядерную спин-решеточную релаксацию глубоких дефектов, индуцированных геттерирующими микродефектами в виде одиночных центров [первый член выражения (6)] и различных групп, состоящих из нескольких центров ($z=1, 2, 3, \dots$) [6, 8, 10, 12, 16]; $N_1, N_2, \dots, N_z, \rho_2, \dots, \rho_z$ — концентрации центров в различных формах и радиусы групп дефектов соответственно ($\rho_z = a_0 z^{1/2}$, a_0 — линейные размеры глубокого центра, z — число центров в группе), δ — радиус ядерной спиновой диффузии для глубокого

¹ Следует отметить, что на рис. 3 представлены зависимости суммарной концентрации ($N=N_1+N_2+\dots+N_z$) глубоких точечных дефектов от толщины окисла.

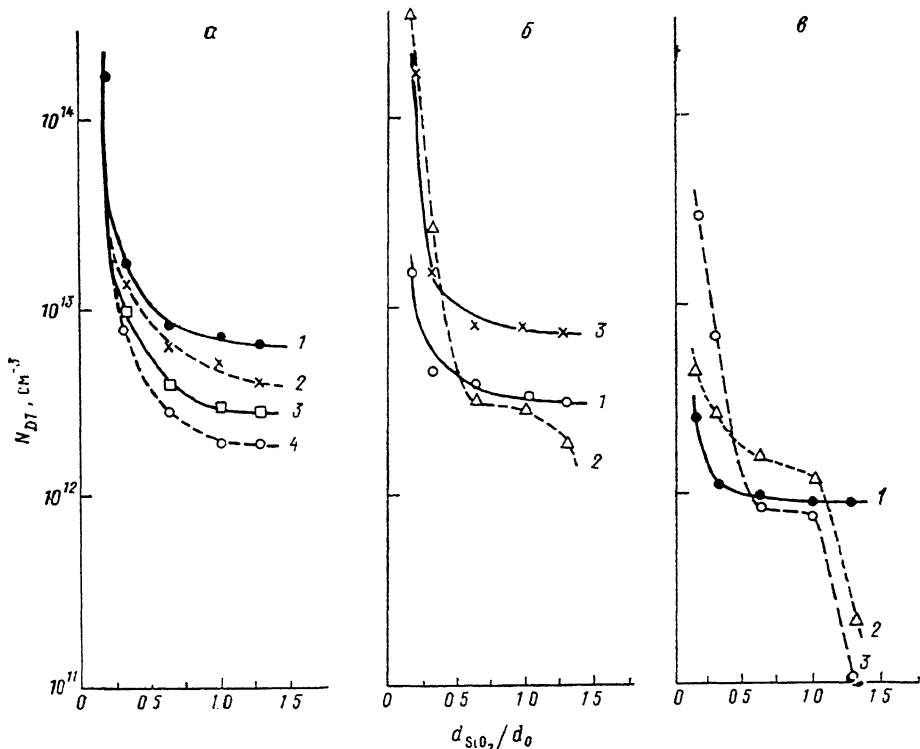

Рис. 2. Зависимость концентрации мелких точечных дефектов ($E_g=0.08$ эВ), индуцированных потенциалом деформации геттерирующих микродефектов, от толщины слоя поверхности окисла.

а) после нанесения СПК; $d_{\text{ПК}}$, мкм: 1 — 0.05, 2 — 0.4, 3 — 0.6, 4 — 1; б) после последовательного отжига при T , °С: 1 — 1100, 2 — 800, 3 — 650; в) после диффузии бора при T , °С: 1 — 1050, 2 — 950, 3 — 850

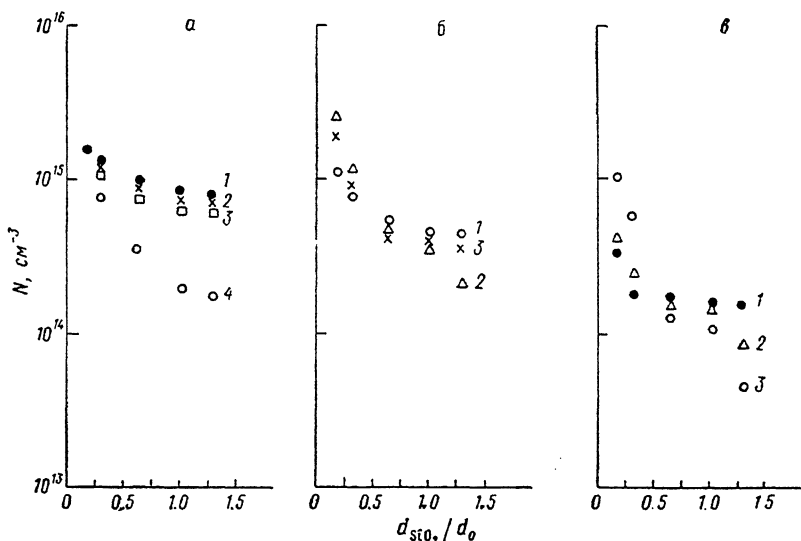

Рис. 3. Зависимость полной концентрации глубоких точечных дефектов, индуцированных геттерирующими микродефектами в кремнии n -типа, от толщины слоя поверхностного окисла. а) после нанесения СПК; $d_{\text{ПК}}$, мкм: 1 — 0.05, 2 — 0.4, 3 — 0.6, 4 — 1; б) после последовательного отжига при T , °С: 1 — 1100, 2 — 800, 3 — 650; в) после диффузии бора при T , °С: 1 — 1050, 2 — 950, 3 — 850

центра [12]. Из (6) с учетом (3) следует, что T_1'' зависит от магнитного поля, если глубокие дефекты присутствуют в кристалле в виде одиночных центров, и наоборот, полевая зависимость T_1'' нивелируется, если в кристалле доминируют группы глубоких точечных дефектов. Поэтому регистрация полевых зависимостей времени ядерной спин-решеточной релаксации позволяет также получить распределение концентрации глубоких точечных дефектов по числу центров в группе. Пример такого распределения, полученный на основании данных рис. 1, a' , b' , e' , представлен на рис. 4. Следует отметить, что глубокие точечные дефекты дают основной вклад в ОПЯ и ядерную спин-решеточную релаксацию преимущественно в слабых магнитных полях [5, 6, 12, 16], в то время как мелкие водородоподобные центры стимулируют поляризацию ядер решетки вплоть до $H_0 \leq 1/\gamma_e \tau_c$ [см. (2)], т. е. до нескольких сот эрстед [4, 6] (рис. 1). Это позволяет аддитивно разделять вклады в ОПЯ и ядерную спин-решеточную релаксацию мелких и глубоких точечных дефектов и с высокой точностью определять их концентрации (рис. 2—4).

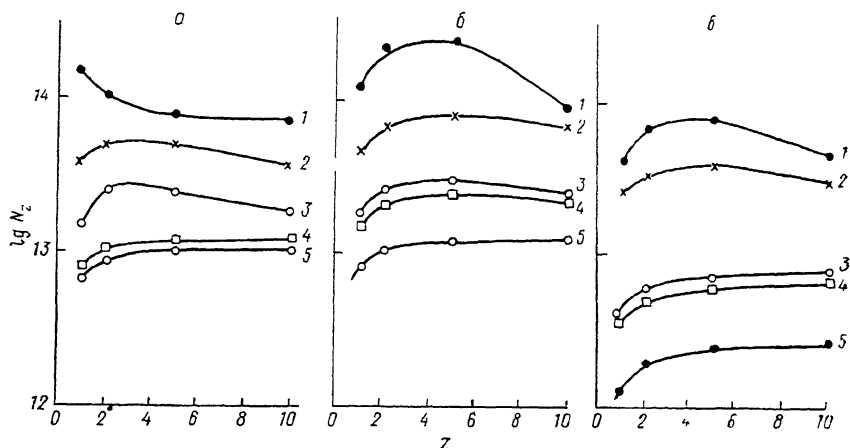

Рис. 4. Распределение концентрации глубоких точечных дефектов, индуцированных геттерными микродефектами в кремнии n -типа, от числа центров в группе.

a) после окисления и осаждения слоев СПК; $d_{ПК}=1$ мкм; b) после окисления и последовательного отжига при $T=850$ °C; e) после окисления и диффузии бора при $T=850$ °C; d_{SiO_2}/d_0 : 1 — 0.17, 2 — 0.31, 3 — 0.62, 4 — 1, 5 — 1.28.

Концентрации мелких ($E_c=0.08$ эВ) и глубоких точечных дефектов уменьшаются с увеличением толщины окисла и понижением температуры диффузии (рис. 3, 4), что связано с созданием условий для эффективной аннигиляции вакансий и собственных междоузельных атомов вблизи поверхности кристалла. В этом случае происходит смена механизма генерации собственных дефектов окисленной поверхность кристалла. При высоких температурах и малой толщине окисла поверхность кристалла кремния генерирует собственные междоузельные атомы, а при низких температурах и большой толщине окисла — вакансии. Критическая толщина окисла d_0 (рис. 2, 3), при которой происходят смена механизма генерации собственных дефектов окисленной поверхностью и соответствующее изменение механизма геттерирования [3, 10], определяется совокупностью условий состояния поверхности (состав атмосферы, предварительная обработка [2, 3]). Поэтому использование окислов большой толщины в сочетании с низкими температурами диффузии бора приводит к формированию геттеризирующих микродефектов только в объеме кристалла [9], что эффективно снижает полную концентрацию индуцированных ими мелких (рис. 2) и глубоких (рис. 3) точечных дефектов, ухудшающих электрофизические характеристики приборов.

Следует отметить, что важной частью геттерирования является последовательная термообработка окисленных монокристаллических кремниевых пластин. В настоящем исследовании подобная термообработка, которая моделировала вторую и третью стадии трехступенчатого цикла геттерирования [2, 3, 10],

приводила как к росту, так и к снижению рекомбинационной электрической активности геттерирующих микродефектов. При $T=650^\circ\text{C}$ окисленная поверхность кремния является источником вакансий в объеме кристалла. Казалось бы, вблизи поверхности не должно происходить образования новых геттерирующих микродефектов с повышенной рекомбинационной активностью. Однако было обнаружено, что при данной температуре происходит образование значительной концентрации (до 10^{15} см^{-3} при $d_{\text{SiO}_2}/d_0=1$) кислородосодержащих «новых» термодоноров [17], изменяющих электрофизические характеристики кристалла, в частности снижающих время жизни неравновесных носителей. Кроме того, в условиях термообработки окисленных кремниевых пластин при 650°C не наблюдается отжига мелких ($E_c-0.08\text{ эВ}$) и глубоких дефектов, индуцированных геттерирующими микродефектами в объеме кристалла (рис. 2, б, 3, б).

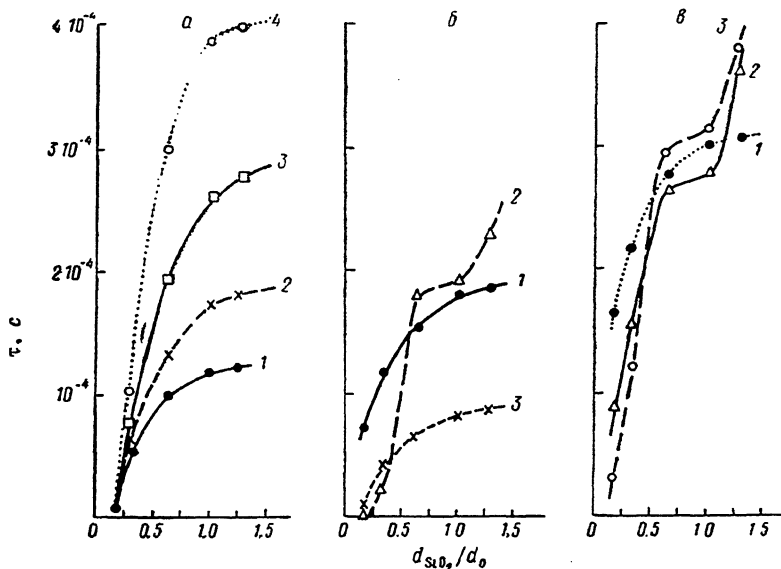

Рис. 5. Зависимости времени жизни неравновесных носителей в кремнии n -типа от толщины слоя поверхностного окисла.

а) после окисления и нанесения СПК; $d_{\text{ПК}}$, мкм: 1 — 0,05, 2 — 0,4, 3 — 0,6, 4 — 1; б) после окисления и последовательного отжига при T , $^\circ\text{C}$: 1 — 1100, 2 — 800, 3 — 650; в) после окисления и диффузии бора при T , $^\circ\text{C}$: 1 — 1050, 2 — 950, 3 — 850.

В условиях термообработки при $T \geq 1000^\circ\text{C}$ окисленная кремниевая поверхность генерирует избыточный поток собственных междоузельных атомов, что приводит к возникновению новых геттерирующих микродефектов в объеме и вблизи поверхности кристалла [9], которое сопровождается ростом концентрации точечных дефектов (рис. 2, 3), обладающих рекомбинационной электрической активностью. Поэтому оптимальным диапазоном температур для второй стадии трехступенчатого цикла геттерирования [2, 3] является интервал $800-900^\circ\text{C}$, в котором происходит эффективная аннигиляция вакансий с собственными междоузельными атомами вблизи окисленной поверхности и дезактивация рекомбинационной активности геттерирующих микродефектов, трансформирующихся при последовательном отжиге в дислокационные петли, ответственные за дальнейшую преципитацию кислорода и геттерирование остаточных примесей из рабочей зоны полупроводниковых приборов.

Методика ОПЯ позволяет путем анализа зависимостей $P_{\text{лт}}$ и T_1 [рис. 1, (1), (5)] определять величину времени жизни неравновесных носителей (рис. 5). Сопоставление данных, приведенных на рис. 2 и 5, показывает, что величина времени жизни неравновесных носителей обратно пропорциональна концентрации мелких ($E_c-0.08\text{ эВ}$) доноров. Причем сечение захвата неравновесных носителей $\sigma_c \approx \sigma_p \approx 10^{-13}\text{ см}^2$ является гигантским с точки зрения известных механизмов участия мелких центров в рекомбинационных процессах [18]. Этот, на пер-

вый взгляд, парадоксальный результат объясняется в модели двухэлектронного захвата в системе парного центра мелкий донор + глубокий донор [19, 20]. Исследование характеристик глубоких центров методами емкостной спектроскопии и ОПЯ в условиях примесного поглощения света показало, что среди них доминируют

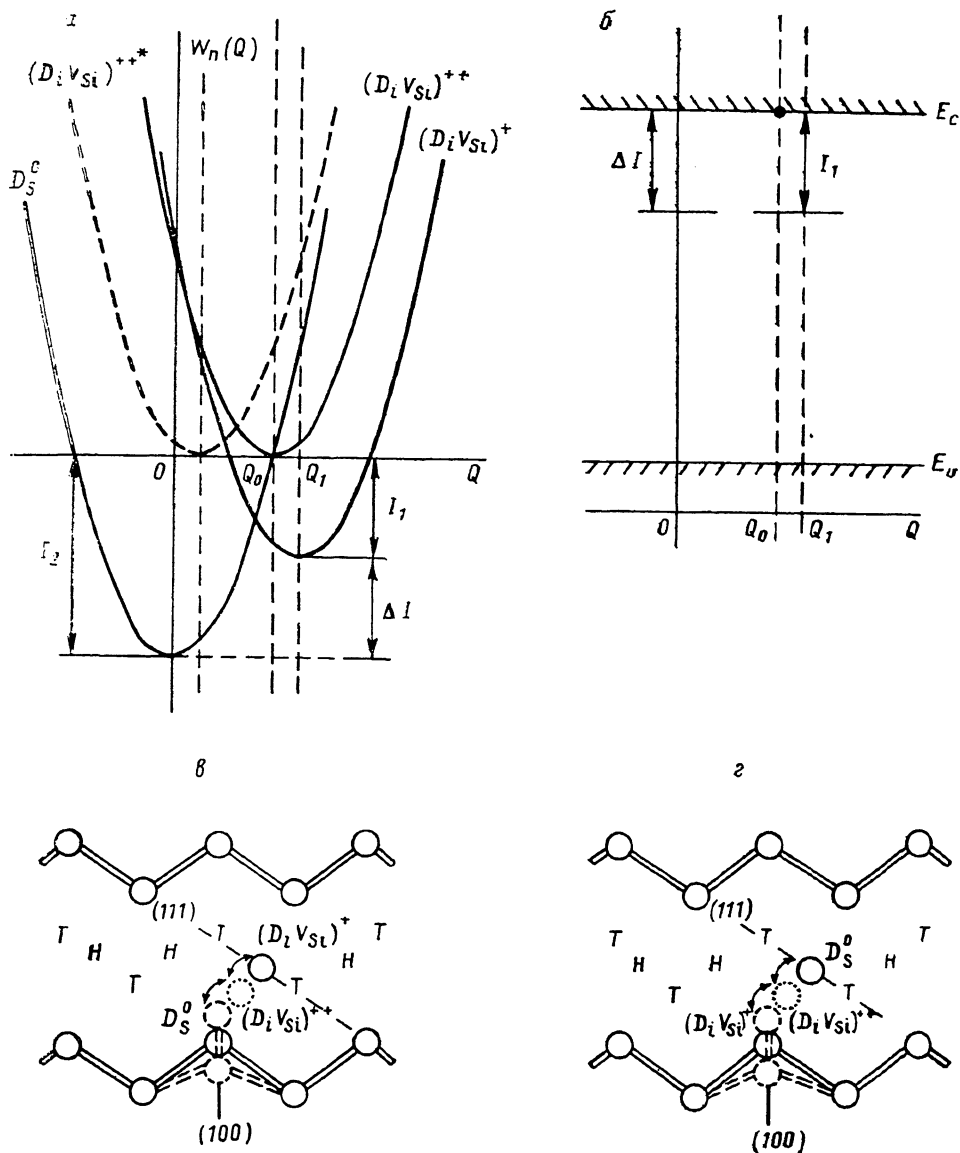

Рис. 6. Адиабатические потенциалы (а), эквивалентная одноэлектронная зонная схема (б) и конфигурационная модель (в, г) для глубокого точечного дефекта типа реконструированного междоузельного атома.

Штриховые линии — адиабатический терм пустого состояния для изолированного глубокого центра, сплошные — терм $(D_i V_{Si})^{++}$ для глубокого центра вблизи мелкого донора ($E_c \sim 0.08$ эВ), который стимулирует процесс двухэлектронного захвата. Зарядовые состояния реконструированного междоузельного атома в нормальном тетраэдрическом (Т) и гексагональном (Н) положениях в плоскости (110).

нируют двойные доноры типа реконструированного междоузельного атома кремния (рис. 6), которые возникают вблизи геттерирующих микродефектов при нарушении sp^3 -гибридизации за счет деформационных эффектов [10].

В модели глубокого центра с локальной отрицательной корреляционной энергией [19, 20] реконструированный междоузельный атом кремния $Si_i - V_{Si}$ представляет собой off-center, у которого двухэлектронное состояние $D_5^c =$

$=\text{Si}_i^{\frac{1}{2}}(n=2)(U < 0)$ локализовано вблизи узла решетки,² в то время как одноэлектронное $(D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^+ = (\text{Si}_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^+(n=1)$ и пустое $(D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++} = (\text{Si}_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++}(n=0)(U > 0)$ состояния располагаются в междоузельных позициях (позиция off-center) (рис. 6).

Соответствующий гамильтониан можно записать в следующем виде:

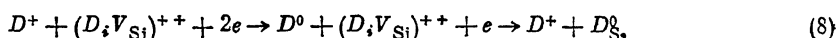
$$H = \frac{P^2}{2M} + \frac{\kappa}{2} Q^2 + E_0(n_{\uparrow} + n_{\downarrow}) + Un_{\uparrow}n_{\downarrow} - FQ, \quad (7)$$

$$F = F_0\beta_0 + F_1\beta_1 + F_2\beta_2, \quad \beta_n^2 = \beta_n, \quad n = 0, 1, 2,$$

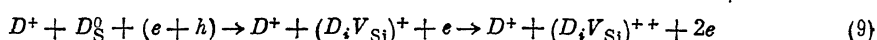
$$\beta_0 = (1 - n_{\uparrow})(1 - n_{\downarrow}), \quad \beta_1 = n_{\uparrow} + n_{\downarrow} - 2n_{\uparrow}n_{\downarrow}, \quad \beta_2 = n_{\uparrow}n_{\downarrow},$$

где P и Q — канонический импульс и координата центра соответственно, M и κ — масса центра и силовая постоянная, E_0 и U — одноэлектронная энергия и электрон-электронное взаимодействие на центре, F_n и β_n — константы электрон-колебательного взаимодействия и проекции операторов зарядовых состояний дефекта с полным числом электронов $n = n_{\uparrow} + n_{\downarrow} = 0, 1, 2$; полный эффективный заряд центра (q) зависит от чисел заполнения (n) электронов, имеющих спиновые проекции $s = \uparrow, \downarrow$, $q = e(1 - n)$. В уравнении (7) предполагается, что механизм связывания электрона на глубоком центре обусловлен некулоновским короткодействующим потенциалом. Путем диагонализации гамильтониана (7) мы получаем адиабатический потенциал зарядовых состояний глубокого центра (рис. 6). I_1 и I_2 представляют собой энергии ионизации для одноэлектронных $((D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^+ \rightarrow (D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++})$ и двухэлектронных $((D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++} \rightarrow (D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++})$ переходов, которые могут быть показаны на эквивалентной одноэлектронной зонной схеме (рис. 6) с помощью введения уровней фонового $(E_c - I_1)$ и коррелированного $(E_c - \Delta I)$ электронов. [Уровень пустого состояния $(D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++}$ совпадает на рис. 6 с дном зоны проводимости]. Согласно данным емкостной спектроскопии и ОПЯ_г в условиях примесного поглощения света $\Delta I \rightarrow E_c - 0.27$ эВ, $D_i^{\cdot}V_{\text{Si}} \rightarrow (D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^+ \rightarrow E_c - 0.27$ эВ, $I_1 \rightarrow E_c - 0.27$ эВ $\rightarrow (D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^+ \rightarrow (D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++} \rightarrow E_c - 0.27$ эВ, $I_2 = \Delta I + I_1 = 0.54$ эВ $\rightarrow D_i^{\cdot}V_{\text{Si}} \rightarrow (D_i^{\cdot}V_{\text{Si}})^{++}$.

Вблизи мелких точечных дефектов ($E_c - 0.08$ эВ), индуцированных потенциалом деформации геттеризирующих микродефектов, реконструированные междоузельные атомы обладают сильной рекомбинационной активностью за счет механизма двухэлектронного захвата (рис. 6): 1) последовательный двухэлектронный захват [19, 20]

2) двухэлектронный оже-процесс [19, 20]

с последующим двухэлектронным захватом (8). Здесь D^+ , D^0 — зарядовые состояния мелкого донора ($E_c - 0.08$ эВ). Несмотря на обнаруженную корреляцию в распределениях мелких доноров ($E_c - 0.08$ эВ) и реконструированных междоузельных атомов [10], концентрация парных рекомбинационно-активных центров относительно невелика ($\sim N_{DT}$, рис. 2). Тем не менее благодаря гигантскому сечению рекомбинации ($\sigma_p \approx \sigma_n \approx 10^{-13}$ см²) в условиях двухэлектронного захвата даже малая концентрация пар мелкий донор + глубокий донор ($\sim 10^{12} - 10^{14}$ см⁻³) может сильно снижать время жизни неравновесных носителей (рис. 2, 5) и индуцировать, как будет показано далее, токи утечки в полупроводниковых приборах.

На первой стадии трехступенчатого цикла геттерирования и в процессе последующих термообработок при $T = 650$ °С геттеризирующие микродефекты могут также индуцировать глубокие точечные дефекты типа оборванных связей, которые находятся в режиме мотт-хоббардовского диэлектрика с узкими зонами ($E_v + 0.4$, $E_c - 0.4$ эВ) [23] и проявляют значительную рекомбинационную

² Согласно [21, 22], двухэлектронное состояние глубокого донора может иметь T_d -симметрию, т. е. мы имеем «зеркальное» отображение рассматриваемой модели (рис. 6).

активность [7, 10]. Факт образования глубоких центров типа оборванных связей подтверждается полевой зависимостью степени ОПЯ при оптической накачке неполяризованным светом (рис. 7), а также данными ЭПР. Сравнительный ана-

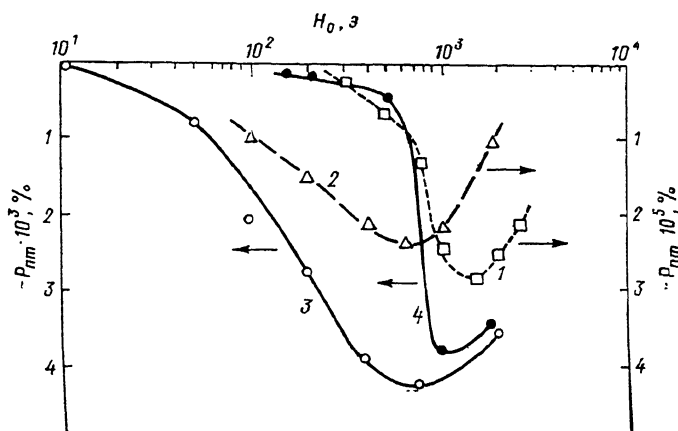

Рис. 7. Зависимость степени ОПЯ от величины внешнего магнитного поля при оптической накачке неполяризованным светом.

1 — в кремнии *n*-типа после окисления, $d_{\text{SiO}_2} = 0.17d_0$, 2 — в кремнии *n*-типа после окисления и последовательного отжига при $T = 650^\circ\text{C}$, 3, 4 — в пластически деформированном кремнии перед отжигом (3) и после последовательного отжига (4) при $T = 720^\circ\text{C}$ [24].

лиз характеристик, приведенных на рис. 7, показывает, что основной вклад в ОПЯ дают кластеры оборванных связей [24], возникающие при высоких температурах на ранних стадиях окисления, и квазиодномерные цепочки оборван-

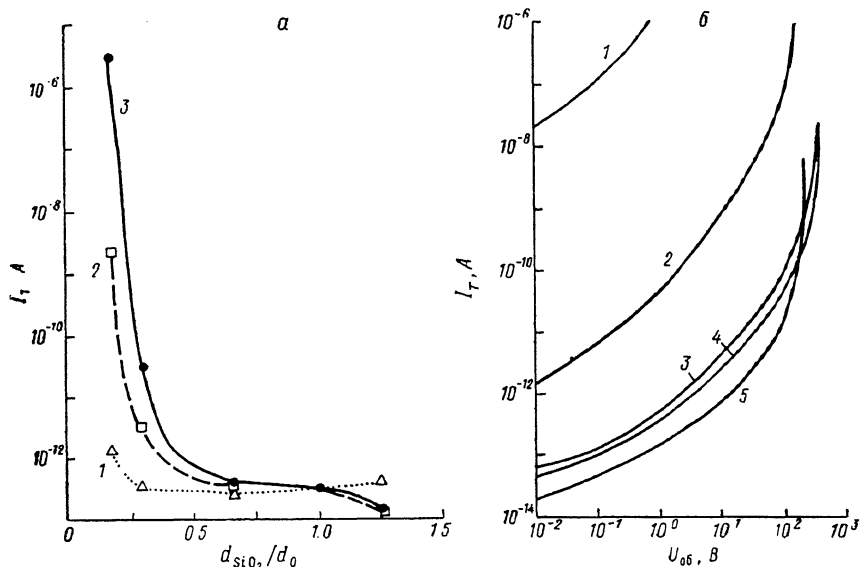

Рис. 8. Зависимость темного тока утечки в мелких *p-n*-переходах на основе кремния *n*-типа от толщины поверхностного окисла (а) ($U_{\text{об}} = 1$ В); обратные ветви вольт-амперных характеристик при различных значениях толщины окисленного слоя (б).

а) температура диффузии бора, $^\circ\text{C}$: 1 — 1050, 2 — 950, 3 — 850; б) температура диффузии бора 850°C ; d_{SiO_2}/d_0 : 1 — 0.17, 2 — 0.31, 3 — 0.62, 4 — 1, 5 — 1.28.

ных связей, индуцированные преципитацией кислорода в процессе термообработки при 650°C [10].

Эффективное уменьшение рассмотренных выше парных центров рекомбинации в условиях оптимизации режимов совмещенного цикла геттерирования [увеличения толщины окисла, выбора интервала температур последующих

термообработок и диффузии легирующей примеси (бора)] позволило значительно улучшить характеристики полупроводниковых приборов. Кроме того, указанные выше мелкие и глубокие точечные центры, индуцированные геттерирующими микродефектами, являются ответственными за генерационные токи утечки в $p-n$ -переходах, причем они дают вклад как в объемную, так и в поверхностную составляющие. Поэтому уменьшение токов утечки с помощью увеличения толщины окисла, оптимизации режимов геттерирования и снижения температуры диффузии особенно эффективно влияет на шумовые характеристики мелких $p-n$ -переходов (рис. 8, а, б).

Таким образом, с помощью ОПЯ было исследовано образование мелких и глубоких точечных дефектов в условиях формирования $p-n$ -переходов. Показано, что при окислении, диффузии легирующей примеси и термообработках, сопровождающих трехступенчатое геттерирование остаточных примесей, в объеме кристалла образуются геттерирующие микродефекты, которые индуцируют глубокие центры с локальной отрицательной корреляционной энергией. Эти глубокие центры типа реконструированного междоузельного атома кремния могут стимулировать резкое снижение времени жизни неосновных носителей в случае образования пар с мелкими донорами ($E_c - 0.08$ эВ), индуцированными потенциалом деформации геттерирующих микродефектов.

Обнаружено, что увеличение толщины окисла, снижение температуры диффузии легирующей примеси и оптимизация интервала температур в цикле трехступенчатого геттерирования приводят к уменьшению концентрации мелких и глубоких точечных дефектов, индуцированных геттерирующими микродефектами, при сохранении эффективности геттерирования. Подобное подавление электрической и рекомбинационной активности геттерирующих микродефектов стимулирует улучшение характеристик полупроводниковых приборов. В основе этого явления лежит идея управления потоками вакансий и собственных междоузельных атомов за счет изменения состояния поверхности монокристаллического кремния. На начальной стадии окисления (малая толщина окисла) при высоких температурах поверхность кремния генерирует собственные междоузельные атомы, которые, образуя кластеры, в дальнейшем способствуют эффективному геттерированию, а также ускоряют диффузию легирующей примеси. В этих условиях, однако, трудно реализовать полную аннигиляцию вакансий и междоузельных атомов вблизи поверхности, что приводит к формированию поверхностных рекомбинационно-активных геттерирующих микродефектов и тем самым не дает возможности получать мелкие $p-n$ -переходы с низкими токами утечки. При увеличении толщины окисла и снижении температуры диффузии поверхность монокристаллического кремния является генератором вакансий, благодаря чему при сохранении эффективности геттерирования в объеме кристалла создаются оптимальные условия для аннигиляции вакансий и междоузельных атомов вблизи поверхности. Кроме того, в этих условиях значительно тормозится введение легирующей примеси, диффундирующей по вакансионному механизму, и резко снижается концентрация точечных мелких и глубоких центров, индуцированных геттерирующими микродефектами. Совокупность данных факторов позволяет улучшить характеристики полупроводниковых приборов и, что наиболее важно, реализовать малошумящие мелкие $p-n$ -переходы.

Список литературы

- [1] Gordon B. J. // Sol. St. Techn. 1978. V. 21. N 7. P. 43—47.
- [2] Nauka K., Lagowski J., Gatos H. C., Ueda O. // J. Appl. Phys. 1986. V. 60. N 2. P. 615—621.
- [3] Ueda O., Nauka K., Lagowski J., Gatos H. C. // J. Appl. Phys. 1986. V. 60. N 2. P. 622—628.
- [4] Баграев Н. Т., Власенко Л. С. // ФТТ. 1979. Т. 21. В. 1. С. 120—133.
- [5] Баграев Н. Т., Власенко Л. С. // ЖЭТФ. 1978. Т. 75. В. 5 (11). С. 1743—1754.
- [6] Bagraev N. T. // Physica. 1983. V. 116B. N 1. P. 236—242.
- [7] Vlasenko L. S. // Physica. 1983. V. 116B. N 1. P. 281—286.
- [8] Баграев Н. Т., Власенко Л. С., Волле В. М., Воронков В. Б., Грехов И. В., Добровенский В. В., Шагун А. И. // ЖТФ. 1984. Т. 54. В. 4. С. 917—928.
- [9] Баграев Н. Т., Клячкин Л. Е., Маляренко А. М., Половцев И. С., Суханов В. Л. // ФТП. 1990. Т. 24. В. 9. С. 1557—1562.

- [10] Bagraev N. T., Polovtsev I. S., Schmaltz K. // Phys. St. Sol. 1989. V. 113A. N 1. P. 233—245.
- [11] Баграев Н. Т., Власенко Л. С., Житников Р. А. // ФТП. 1976. Т. 10. В. 10. С. 2006—2008.
- [12] Хуцишвили Г. Р. // УФН. 1965. Т. 87. В. 2. С. 241—254.
- [13] Баграев Н. Т., Власенко Л. С. // ЖЭТФ. 1982. Т. 83. В. 12. С. 2186—2200.
- [14] Kveder V. V., Osiryun Yu. A., Schroter W., Zoth G. // Phys. St. Sol. 1982. V. 72A. N 2. P. 701—713.
- [15] Нейтронное трансмутационное легирование полупроводников / Под ред. Дж. Миза. М., 1982. 185 с.
- [16] De Gennes P. // J. Phys. Chem. Sol. 1958. V. 7. N 4. P. 345—361.
- [17] Kanamori A., Kanamori M. // J. Appl. Phys. 1979. V. 50. N 12. P. 8095—8101.
- [18] Yassievich I. N. // Mater. Sci. Forum. 1989. V. 38-41. P. 1351—1360.
- [19] Bagraev N. T., Mashkov V. A. // Sol. St. Commun. 1988. V. 65. N 10. P. 1111—1117.
- [20] Bagraev N. T., Kolchanova N. M., Mashkov V. A., Polovtsev I. S. // Mater. Sci. Forum. 1989. V. 38-41. P. 1361—1366.
- [21] Dabrowski J., Scheffler M. // Mater. Sci. Forum. 1989. V. 38-41. P. 51—58.
- [22] Morgan T. N. // Mater. Sci. Forum. 1989. V. 38-41. P. 1079—1084.
- [23] Grazhulis V. A., Kveder V. V., Mukhina V. Yu. // Phys. St. Sol. 1977. V. 44A. N 1. P. 107—115.
- [24] Баграев Н. Т., Гусаров А. И., Машков В. А. // ЖЭТФ. 1987. Т. 92. В. 3. С. 968—986.

Физико-технический институт
им. А. Ф. Иоффе АН СССР
Ленинград

Получена 22.11.1989
Принята к печати 27.04.1990